Джон Милбанк:

«Христианство возродится только в том случае, если будет стараться все заново переосмыслить по-христиански...»

John Milbank:

«Christianity will only recover if it seeks to rethink everything in a newly Christian way...»

John Milbank — Professor of Religion, Politics and Ethics at the University of Nottingham; Director of Center for Theology and Philosophy, University of Nottingham, Great Britain. John.Milbank@nottingham.ac.uk

In an interview given to our edition British theologian and philosopher John Milbank, one of the founders and leaders of interconfessional Christian intellectual movement «Radical Orthodoxy», tells about his intellectual formation, authors that influenced his thinking, as well as about his basic ideas and their connections to the Russian religious thought. He covers questions of contemporary correlations between religious and secular as well as about the place of theology and Christian apologetics in current postsecular situation. John Milbank also mentions that currently he is working on further elaboration of his ideas expounded in his work «Theology and Social Theory» (1990). The first volume «Beyond Secular Order», which is the result of this evolution, is planned for the end of 2013; he is currently writing the second volume, which will be called «The Representation of Being and the Representation of the People».

Keywords: Christianity, secularity, radical orthodoxy, postmodernism, theology, Russian thought, Orthodoxy.

? Где Вы получили образование и к какой церкви принадлежите?

Я рос на севере Лондона, потом в графстве Глостершир и, в конце концов, близ городишка под названием Халл, что на севере Англии. Я посещал несколько деревенских начальных школ, затем

(ныне несуществующую) школу прямого субсидирования — учебное заведение, которое финансировалось из частного и государственного бюджета, где я смог стать стипендиатом. После этой школы я изучал «современную историю» (то есть после падения Римской империи) в Оксфордском университете, в Королевском колледже (*Queen's College*). Этот опыт был для меня не особо интересным, пока на третьем курсе мне не привили любовь к истории более усердные студенты, без пяти минут выпускники. После некоторого перерыва я в течение трех лет учился на англиканского священника в Уэсткотт Хаусе, в Кембридже, но, в конце концов, решил, что останусь богословом-мирянином. С тех пор я посвятил всю свою жизнь истине подлинного христианства. Еще спустя некоторое время я стал заниматься подготовкой докторской диссертации по философии в университете Бирмингема, хотя жил со своей женой в Лондоне и ежедневно работал в Британской библиотеке — за столом чуть левее от того места, где в свое время занимался Карл Маркс. Моя диссертация была посвящена мысли неаполитанского философа XVIII века Джамбаттиста Вико.

Почему Вы решили стать профессиональным теологом?

Мне кажется, я уже ответил на этот вопрос. Я верю, что христианство является истиной, а так как у меня академический склад ума, я не могу игнорировать то, что считаю фундаментально истинной позицией. Думаю, что вопрос об истинности христианства слишком долго игнорировали и что оно не сможет выжить без отстаивания этой истинности.

Кто повлиял и все еще влияет на Ваше богословие и философию? Кто Ваш любимый богослов или философ? Какие книги Вы читаете для личного вдохновения и профессионального роста?

Оглядываясь назад, я думаю, что у меня было несколько вдохновений. В детстве, в Глостершире, я был увлечен идеей о том, что у всего есть прошлое, идеей мифа, платоновскими «идеями» (о которых случайно услышал) и Евангелием от Иоанна, особенно его первыми стихами. Позже я полюбил произведения Толкиена и К. С. Льюиса, Чарльза Уильямса и Оуэна Барфилда. Я чувствовал, да и сейчас в этом не сомневаюсь, что им удалось обнаружить

новые стороны христианства, новый способ вернуть ему очарование. На меня также произвели большое впечатление произведения Уильяма Блейка, которым интересовался мой отец. Долгое время я не мог примирить радикализм Блейка с консерватизмом «инклингов», хотя сейчас думаю, что это вполне возможно. В конце 1960-х и в 1970-е в моей жизни был период, когда я был увлечен пантеизмом, синкретизмом и эзотерикой. (Кстати, теперь я думаю, вопреки распространенному мнению, что в «эзотерике» немало того, что близко к ортодоксии.) Только после моего второго года в Уэсткотт Хаусе я стал более ортодоксальным в своих взглядах. Это произошло в результате нескольких событий. Во-первых, после встречи с моей будущей женой, Элисон Легг, которая принадлежала к англо-католикам, во-вторых, под влиянием моего учителя Роуэна Уильямса, а также чтения Гадамера (как это ни удивительно) и фон Бальтазара. Я всегда пытался понять, почему естественная теология нуждается в откровении. Теперь я вижу, что третий термин — это история, что истина открывается во времени как событие и что история является посредником между природой и благодатью. Поскольку именно эта идея привела меня к «обращению», я не могу не рассматривать неосхоластическую двухуровневую теорию природы и благодати как своего рода ересь. По этой же причине в дальнейшем мне оказалась близка русская мысль. Роуэн Уильямс и тогдашний ректор Уэсткотт Хауса Марк Сантер (ныне епископ в отставке) подтолкнули меня к чтению патристического корпуса, после чего я взялся за Фому Аквинского и Николая Кузанского. Эти авторы, а также Эриугена и Экхарт по-прежнему очень важны для меня. Уже тогда мне нравились Кольридж и другие английские метафизические и романтические поэты вплоть до Хопкинса — помимо таких христианских модернистов, как Элиот, Оден и Дэвид Джонс. Я и сам стал все больше писать стихов. Тогда же началась моя любовь к *nouvelle theologie* — Анри де Любак стал одним из моих любимых современных богословов, наряду с Сергием Булгаковым. Я также познакомился с немецким преромантизмом и романтизмом: Якоби, Гаман, Новалис, Шлегель, Гёльдерлин и др. Через некоторое время центральное место для меня стал занимать Кьеркегор — однако лишь в моем собственном и Кэтрин Пикстон прочтении! И ни в чьем больше! В молодости на меня сильно повлиял Достоевский — но только «Идиот» и «Братья Карамазовы». Я нахожу другие его романы немного скучными по сравнению с этими двумя, но эти два действительно потрясающи, и я думаю

«Идиота» обычно прочитывают неправильно. Хотел бы сказать и о том, что моим любимым романом является «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова.

Так как сегодня Ваши книги еще не изданы на русском языке и все, что мы имеем, — это только несколько статей, часть книги и пара интервью, не могли бы Вы сказать, чем идеи радикальной ортодоксии могут быть полезны русским и украинским богословам и философам?

Я думаю тем, что, как и русские мыслители, мы, представители радикальной ортодоксии, пытаемся понимать богословие и философию как единое целое. Также мы любим софиологию. Свойственное нам сочетание христианства, неоплатонизма и романтизма, безусловно, созвучно традициям русской мысли. Я лично многое люблю в русской литературе, богослужении, искусстве и кинематографе. Всегда существовала определенная близость между восточным православием и «высокой церковью» в англиканстве. Я думаю, что русским также понравится, что представители радикальной ортодоксии предостерегают об опасности нигилизма и считают, что вне христианства или по крайней мере вне религиозной метафизической перспективы, гуманизм невозможно защитить перед лицом нигилистического мировоззрения. Мы последовательно работаем с новым нигилизмом, которым является постмодернизм, не сбрасывая его со счетов, и стараемся найти аргументы против него, одновременно кое-чему от него научаясь.

Какие идеи радикальной ортодоксии важны для постсоветского контекста?

Я бы назвал следующие. Восстановление центрального значения идеи «причастности» в платоновском смысле. Новое «заколдовывание» (*reenchantment*) мира — в противовес тем, кто думает, что христианство на стороне приветствующих его «расколдовывание» (*disenchantment*). Аргумент в пользу того, что перспектива «причастности» допускает постмодернистскую неопределенность и в то же время не позволяет скатиться в скептицизм. Понимание того, что трансценденция нужна для защиты ценности материи в ее сакраментальном аспекте. А также акцент на том, что нельзя разделять христианство и христианский мир (*Christendom*),

поскольку инкарнационная перспектива требует, чтобы истина была опосредована как культурно, так и политически.

Многие все еще не согласны с тем, что мы вступили в так называемую постсекулярную эру. Какие аргументы Вы могли бы привести в ответ?

Сегодня секулярность приобрела экстремальные формы, но то же самое нужно сказать и о религиозном сопротивлении. Светские идеологии потерпели крах, и теперь единственное, на чем основывается светскость, это атеизм. Все, что он может предложить, — это научная «объективность» в смысле технологического контроля плюс абсолютная и абсолютно произвольная свобода выбора. Он не знает, как примирить эти два акцента, а поэтому вступает в сговор с дьяволом, выступая как культ власти (*cult of power*). Результатом является философия либерализма, которая уничтожает разделение на «левых» и «правых», так что каждый верит в свободный рынок, в то, что имеет право на благосостояние (причем субъект этого права деперсонализирован), и в абсолютную свободу выбирать и делать то, что нравится, пока (предположительно) это не вредит другому. Сегодня единственную реальную оппозицию этому составляют религиозные люди, которые верят во взаимность, в объективную добродетель, в существование верного пути к человеческому процветанию и в экономическую справедливость, основанную на справедливом распределении основных благ. Таким образом, борьба между атеизмом и религией становится конкретной политической битвой, которая касается не только религиозной свободы и принципиально связана с различием политической и экономической повестки. Борьба сегодня идет между светским либерализмом и религиозным или квазирелигиозным радикализмом, который в некотором смысле является консервативным. Это особенно хорошо видно в Великобритании, но также и во Франции.

В чем, на Ваш взгляд, сегодня заключается основная задача христианского богословия и христианской апологетики?

Сегодняшняя задача состоит в том, чтобы забыть все, что вам говорили о возможности приспособиться к современной мысли и светской культуре. Наоборот, христианство возродится толь-

ко в том случае, если будет стараться все заново переосмыслить по-христиански: природу, естественные науки, общественные науки, искусство, то есть — все. А также и действовать по-новому. Речь не идет просто о возвращении к вдохновению, которое имело место в прошлом. Мы должны продолжать это делать, но одновременно задаваться вопросом, почему традиция допустила случиться тому негативному, что случилось. Именно поэтому я сейчас читаю параллельно Кристофера Доусона (английского католического историка) и Ивана Илича (католического философа, родившегося в Хорватии).

Не могли бы Вы приоткрыть завесу и сказать,
над какой книгой работаете в данный момент?

Я только что закончил первый том продолжения «Теологии и социальной теории». Это продолжение будет состоять из двух томов под общим заглавием «По ту сторону секулярного порядка» (*Beyond Secular Order*). Первая книга появится уже в конце этого года и будет называться «Репрезентация бытия и репрезентация народа» (*The Representation of Being and the Representation of the People*). Сейчас я приступаю к написанию второй книги под названием «О божественном управлении» (*On Divine Government*), в которой речь пойдет о метафизике, провидении, истории и политике. Это то, над чем я буду работать в ближайшие месяцы. Я много ссылаюсь на Джорджо Агамбена — то соглашаясь с ним, то вступая в спор. Он очень одаренный мыслитель.

Беседовал Анатолий Денисенко